

Студенческая Летопись

№ 1 (7),
ФЕВРАЛЬ 2011

ПРОШЛОГО В ПРОШЛОМ НИКОГДА НЕ БЫЛО, ПРОШЛОЕ ЕСТЬ ЛИШЬ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАШЕГО НАСТОЯЩЕГО.

Н. БЕРДЯЕВ.

В этом номере:

Ю. А. Борисёнок: о «Родине», кинематографе и возможности совмещать работу с учебой, - с. 6

Небанальный туризм:
Дальний восток, Афганистан, с. 9

Сладкий флер ностальгии: преподаватели и студенты вспоминают о своей первой сессии, с. 1

Поговорим?..
Приглашение к открытой дискуссии от авторов «студенческой Летописи», - с. 13

От редакции

Декабрь – довольно странное время для возрождения. В природе все увядшее заново расцветает весной, когда солнышко вновь начинает согревать землю своим теплом. Люди любят начинать новую жизнь в январе, так сказать с чистого листа. С нового года. Студенты обещают взяться за ум с первого сентября – с нового учебного года.

Мы же выбрали для нашего возвращения именно декабрь, и именно это слово – возвращение. Потому что «возрождение» - это слишком пафосно.

У всех бывают в жизни тяжелые времена, и наша газета не исключение. Нам удалось решить проблемы с типографией, пережить трудности с личным составом редакции – кто-то уходил, кто-то приходил, - нехватку времени, связанную с завалами в учебе, хвостами, необходимостью работать.

Теперь, по прошествии стольких месяцев, мы рады представить вашему вниманию новый номер «Студенческой Летописи». В этом выпуске мы хотели рассказать вам о нашем опыте сочетания работы с учебой, о том, куда еще можно съездить отдохнуть, кроме традиционных стран Европы и Северной Америки.

Так же в этом номере мы дали возможность высказаться «юным талантам» нашего факультета – в расширенной рубрике «Острый Угол» молодые люди предлагают на суд общественности свою точку зрения на волнующие многих из нас вопросы. Каждая из помещенных в рубрику статей является приглашением к открытой дискуссии.

Надеемся, что декабрьский выпуск «Студенческой Летописи» покажется вам интересным, и подарит несколько приятных минут накануне большого праздника.

Всегда ваша редколлегия

В студенческой среде главным событием зимы была, есть и остается вовсе не новогодняя ночь, а сессия. Экзамены и зачеты, разделенные вереницей праздничных дней, во время которых Москва гуляет, а студенты учат. Кто-то готовится сутки напролет, кто-то откладывает все на последний момент, кто-то заучивает материал лекций, кто-то «налегает» на литературу из списка. Объединяет всех одно — в первый раз всем было если не страшно, то уж точно боязно. Затем, с каждой последующей сессией кто-то все больше расслаблялся, а для кого-то каждый раз был как в первый.

Умгаев Семён. III курс.

Не сказал бы, что я боялся. Но тут нужно сказать, что определённая нервозность присутствовала, поскольку это всё-таки МГУ, ожидалось нечто колоссальное, суровое. Хотелось домой, но не хотелось вылетать! Оказалось, сессия была довольно-таки милосердна к студентам. Археологию у меня принимал внушительный Канторович, который очень не хотел ставить мне тройку и сорок минут пытался найти причины поставить мне четыре. В конце концов, и с немалым старанием, ему это удалось.

Пушкина Тамара Анатольевна:

Первая сессия была самой страшной! Страшным был экзамен по истории древнего Востока. Учебник был во-о-от такой толщины и с многочисленными абзацами мелким шрифтом. Фантастическое количество имен, да каких! О некоторые язык можно было сломать. А даты... А обилие военных походов, каких-то законов... Ужас! Села готовиться за 4 дня до экзамена. Правда, до этого все-таки на лекции ходила, слушала и в учебник заглядывала. Решив, что даты - это такой "скелет" истории, я старательно их учила. Но особого энтузиазма мой ответ у Людмилы Николаевны Казамановой не вывал, и она как-то очень тускло попросила мою зачетку. А вот волновалась больше всего перед археологией: во-первых, потому что прошел слух, что будет принимать "Сам Арци-

Никишенков Алексей Алексеевич:

Первая сессия меня удивила. Дело в том, что я пришёл из вооружённых сил и обладал некоторым комплексом неполноценности, который существовал тогда и сейчас существует. Принято думать, что в армии все тупеют. Я поверил в этот стереотип и старательно всё учил, не пропускал ни одной лекции - в армии к этому приучают. Учебник я читал раза два, как минимум. Самым страшным экзаменом казался нам экзамен по древнему востоку. Принимал у меня Авдиев, сейчас это уже мифическая фигура. Учебник был его авторства, большой и плохо структурированный, запомнить весь его было нельзя. Но, тем не менее, я его выучил, и, к великому своему удивлению, я сессию сдал на «отлично».

В сессии главное всё-таки - это выделить существенное в том, что происходит. Сдать ее очень просто: во-первых нужно слушать лекторов, которым будешь сдавать. Кроме того нужно учебник знать, в учебнике есть некая схема, для начинающих она необходима. Но лично меня на экзамене интересует схема само собой, это подразумевается, но главным, все же, является то, что студенты читали из научной литературы. Перед экзаменом хорошо выспаться. Утром – не объедаться, но и не голодать. Вот и всё. И хочу опровергнуть миф о том, что в последнюю ночь перед экзаменом некоторые герои всё изучили, и всё было хорошо. Это – миф. В последнюю ночь перед экзаменом нужно выспаться, даже если вы вообще ничего не знаете. Человек сонный, замученный, он и знающий производит плохое впечатление.

А раз в полгода приходит черт с ящиком гвоздей...

Лушин Михаил, III курс.

Перед первой сессией я думал, что сессия сама по себе - нечто страшное. Это ощущение не покидало меня вплоть до самого первого экзамена, в результате я и перегорел. Первой сдавали историю Древнего Востока, и я, похоже, весьма расстроил Ладынина. Я б мог сдать на "отлично" - сдал на "хорошо". Но потом всё пошло как по маслу.

Кирилл Кузьмин, III курс.

Помню, как я сдавал древний восток А.И. Ладынину. Я учил был готов. Меня спрашивают, спрашивают и спрашивают, а я отвечаю-отвечаю, а потом мне вдруг был задан какой-то вопрос, на который я совсем ничего сказать не мог. И тут преподаватель говорит: «вы же понимаете, что это выходит за рамки экзаменационного вопроса?». И, в общем, сам мне всё рассказал.

Сергей Старков, 1 курс.

От грядущей сессии жду много нового и интересного, потому что слышал о ней столько рассказов. От всех, начиная от родителей с самого детства, кончая студентами старших курсов и теми, кто просто распространяет слухи, от крайне радикальных до нормальных. То, что будет либо плохо, и мы все поедим домой, либо очень хорошо, и всё ерунда. Слышал такую вещь, что первая сессия сочтает в себе самый лёгкий за всю историю экзамен и самый сложный. Вот, хочу это проверить.

«Девушка, мы не можем вас взять, у вас нет опыта работы». Вот самые жестокие слова, которые мне приходилось слышать. Ими закончилась, так и не успев начаться, моя карьера в кинематографе. Должность продавца, даже – «накладывателя» поп-корна оказалась слишком сложной для студента МГУ, ищущего работу на лето. Смирившись с этим, я пошла устраиваться туда, где рады всегда и всем – в кафе официанткой..

Официант - друг, который желает вам добра

«График 2/2, зарплата 5 тыс. рублей, после месяца работы и сдачи аттестации на знание меню – 10 тыс. Плюс ваши чаевые. Форма – джинсы и черная закрытая обувь, футболку мы вам выдадим. Когда сможете выйти?» Это всё, что сказал менеджер, при приеме на работу. Условия меня устраивали, и уже через день я довольная шла на работу. Но как оказалось, правды в слова кадровика было мало.

Графика 2/2 нет, а даже если и есть, то в ваш выходной день звонят и настоятельно просят выйти на работу – отказываться, конечно, не стоит. Меню сдать очень сложно. Когда я пришла, никто из официантов, проработавших месяц, его не сдал. Даже с формой меня умудрились обмануть – кроме футболки выдали ещё и длинный джинсовый фартук. В условиях августовской жары это была серьезная причина задуматься, не стоит ли сразу отказаться от работы. Но о самом главном мне никто не сказал: кафе двухэтажное, а кухня только на первом этаже. Даже если выпадало обслуживать столики на первом этаже – это не на много облегчало жизнь – касса ведь только на втором. Одна радость – трехразовое питание, готовят специально для персонала.

Честно признаюсь – первые четыре дня были самыми тяжелыми, я каждый день мечтала уволиться, но каждый раз что-то меня останавливало. Оказалось, что работа официанта это не только обслуживание столиков. К этому прибавляется так много других

обязанностей, которые-то и составляют всю сложность этой профессии.

Мы приходили за два часа до открытия кафе и накрывали три зала на двух этажах, расставляли посуду на кухне и суши-баре, протирали декорации – так называется лестница для гостей и картины. Ещё надо было «накрутить» салфетки (сложить их треугольником) и приборы (ножи, вилки и ложки завернуть в салфетки), но они все равно заканчивались в самый неподходящий момент. Менеджеры весь день давали различные указания, причем, разумеется, именно в ту минуту, когда было ну совсем не до них. Стаканы бармену, тарелки на кухню, тот столик нужно срочно убрать, другой срочно принять, принести соевый соус с нижнего этажа на верхний... Но когда спустя две недели всё это

перестало меня удивлять и я могла позволить себе направить внимание на тех, с кем довелось столкнуться в этом месте.

Стало интересно, что может заставить людей работать здесь так долго? Я знала, что устроилась на два месяца и потом начнется привычная мне жизнь студента-историка. Но как можно работать тут 9 месяцев, 2 года? Смена с 10 до 12 ночи, бесконечная беготня, ругань с поварами... Выяснилось, это прекрасное место для того, чтобы построить карьеру в ресторанном бизнесе - почти все менеджеры сначала бегали с подносами. К тому же, хороший официант неплохо зарабатывает – иногда несколько тысяч за одну смену. Следующим пунктом моего наблюдения стали повара. Однажды, разговорившись с сушистом, я узнала, что по образованию он

историк-античник. В Алма-Ате преподавателю платят столько же, сколько стажеру-официанту в нашем кафе, а зарплата повара суши-бара такая же, как у политических деятелей Казахстана.

Вот это то и вынуждает человека забыть о красотах Древней Греции и крутить роллы весь день шесть дней в неделю. Определенно, сушисты нужны людям больше, чем историки!

Вопрос «тебе нравится твоя работа?» приводил меня в бешенство. Это после всего того, что я рассказала? Про то, что с работы никогда нельзя уйти в 12 часов, как прописано в графике, ведь кафе только закрывается в это время, а надо ещё всё убрать! А прекрасный сон в выходной день, нарушаемый звонком:

«Давай ты сегодня на работу выйдешь?» Но потом я поняла, что она мне и правда нравится. Коллектив, сама рабочая атмосфера: короткие передышки, когда можно весело обсудить недавние напряженные моменты, смешные случаи, а иногда и просто анекдотичные ситуации! Можно было накричать на кого-нибудь из-за его ошибки, а потом с ним же пить чай, со смехом вспоминая эту ругань. А это ощущение, когда ты два часа выносишь заказы сразу на три столика, выбиваешься из сил, а потом вдруг понимаешь, что гости, получив свою еду, спокойно сидят, наслаждаясь японской кухней – и ты с довольным видом опускаешься на стул и берешь тарелку с ужином, уже давно остывшим... Через пять минут тебя опять позовут в зал, начнется всё сначала, но это кратковременное чувство облегчения просто незабываемо!

Оказалось, что на такой работе можно многому научиться. Как и правилам сервиса, так и общению в большом коллективе.

Авторитетный сервис (так называлось наше пособие) – действительно очень интересная вещь. Есть так много нюансов, на которые ты никогда не обращал внимания, будучи гостем, но подсознательно они влияли на впечатление от заведения. А тонкая психологическая игра – «вы пирожное к кофе будете?» Гость и кофе не заказывал, но теперь под вопросом только десерт, а горячий напиток – дело решенное, причем решенное самим официантом.

А какие возможности работа официантом открывает для любителей понаблюдать за человеческими повадками! За день ресторана посещают сотни клиентов. Они приходят компаниями, парочками и в одиночку. Примерно через две недели начинаешь узнавать тех, кто заглядывает в кафе регулярно.

В каждой смене работало около 40 человек – официанты, повара, бармены, сушисты, менеджеры, уборщицы. Необходимо быстро вписаться в эту систему, стать ее частью. С каждым коллегой надо было найти общий язык, не дать другим командовать тобой (не считая, конечно же, администрацию), побороть желание самому учить всех выполнению их же обязанностей.

Умение подстроиться под другого, помочь, постараться исправить свои ошибки и ошибки коллег – всё это необходимо для хорошей и качественной работы. Взаимовыручка – чуть ли не самое важное в такой деятельности, да и только ли в такой? Навык работать в команде пригодится в любой профессиональной сфере.

Освоив эту, на первый взгляд, простую профессию, привыкнув к ней, с началом семестра пришлось уволиться.

Я долго думала о том, как

можно сохранить работу, но так и не придумала. Обучение на историческом факультете полностью исключает возможность труда в таком месте. С одной стороны, смена деятельности полезна – пять дней учишься, читаешь статьи, монографии, а два дня бегаешь с подносом, предлагая людям напитки и закуски, но долго ли среднестатистический студент протянет, не имея выходов? Наше образование требует полной концентрации сил и внимания. Зачем выбиваться из сил, совмещая работу и учебу, когда можно выбрать для себя что-то одно и получать от этого огромное удовольствие? Если не сложится карьера историка – так и быть, вернусь в кафе. А пока я верю, что история людям нужна не меньше роллов.

Лена Власова

Фото автора.

Словарь необходимых терминов:

Запара – самое напряженное время работы кафе – полная посадка, очень много заказов на кухне, баре, суши-баре.

«Шьют!», «зашивают!» – клич, свидетельствующий о начале «запары»

«Офики шьются!» – типичная издевка повара над официантом

Косяк – ошибка

Гарбедж – грязная посуда на столиках

Обрезки лося – нарезка лосося для роллов

«Добрые дела» – обязанности официантов помимо обслуживания столиков

«Поймать Санту» – столик, оставивший очень большие чаевые

Тиа Балда – мифическое существо кафе, обитает в зале, когда в нем нет ни одного официанта

Юрий Аркадьевич Борисёнок:

Интервью для декабрьского номера нам любезно согласился дать преподаватель кафедры истории южных и западных славян, кандидат исторических наук, доцент и по совместительству главный редактор журнала «Родина» Ю. А. Борисёнок.

Начнем со стандартных вопросов: почему вы выбрали историю, как поступили на истфак, как выбрали кафедру?

На исторический факультет я поступил, страшно сказать, в 1982 году. Не успел я проучиться и трех месяцев, как умер руководитель партии и правительства Леонид Ильич Брежнев. Тяжелая утрата, Леонид Ильич руководил государством 18 лет – я успел родиться при Леониде Ильиче, поступить в университет.

Историю я выбрал вполне осознанно, хотя та история, которую нам тогда преподавали в школе, не особенно располагала к тому, чтобы её увлеченно изучать. История была тогда до крайности политизирована, и при обучении на истфаке было два

рода истории. Первый – это дисциплины идеологического плана как истории КПСС, политэкономия капитализма, политэкономия социализма, марксистско-ленинская философия, другой философии, собственно, не было. Шопенгауэр и прочие не марксистские философы если и упоминались, то очень кратко. И венчал всё, совершенно роскошный курс, под названием научный коммунизм. Это был государственный экзамен на 5 курсе.

В качестве специализации я совершенно осознанно выбрал кафедру истории южных и западных славян. Это произошло отчасти благодаря замечательному историку, который и в сталинских лагерях успел побывать, Михаилу Герасимовичу Седову,

профессору кафедры истории СССР 19 века (или, как тогда как она называлась, кафедра истории СССР периода капитализма). У него в семинаре я писал курсовую работу, посвященную Михаилу Александровичу Бакунину, и хотел продолжать им заниматься. Михаил Герасимович посоветовал пойти на кафедру истории славян, где можно заниматься сюжетами, связанными с отношением Бакунина со славянскими народами да заодно ещё и выучить славянский язык. И я не жалею, что сделал этот выбор. Кафедра истории славян она одна из лучших на нашем факультете, ее традиции эти уходят вглубь на 175 лет. Как раз в начале декабря прошла большая научная конференция, посвященная

175-летию славяноведения в Московском Университете.

Я окончил университет, поступил в аспирантуру, защитил в 1991 году кандидатскую диссертацию и в том же году пришел работать в журнал «Родина». В следующем феврале будет ровно 20 лет моего такого непрерывного трудового стажа. А в университете я появился в 2005 году уже в качестве преподавателя при довольно трагических обстоятельствах. Один из моих любимых преподавателей Харис Хасьянович Хайретдинов – к сожалению, в марте того года скончался. Уже 4 апреля мне пришлось читать свою первую лекцию. Это было вынужденное стечение обстоятельств, - Геннадий Филиппович Матвеев, заведующий нашей кафедрой, обратился ко мне с такой просьбой и я не смог ему отказать.

Расскажите подробнее об учебе на факультете. Легко это было? Сложно?

Это все индивидуально – кому-то это дается легко, кому-то это дается сложно. Понятно, что есть дисциплины, которые в дальнейшей своей жизни человеку не очень-то нужны. Но даже в кругах тогдашней марксистской историографии, безусловно, были люди, которые нас потрясали, начиная с первого курса. Лекции Бориса Александровича Рыбакова, академика, покойного Евгения Федоровича Язькова, роскошно читавшего Новейшую историю, и Валерияна Семеновича Бондарчука, ныне работающего на факультете, и целый ряд других людей формировали нас как историков и историков серьезных. Поэтому сказать, что учиться было легко – это не совсем верно. Легкости особой не было. Другое дело, что в те времена расписание занятий, на мой непросвещенный взгляд, было по-

строено более логично. Большинство занятий, как правило, заканчивались в 15 часов 5 минут, с концом четвертой пары.

Тогда была возможность совершенно спокойно заниматься самообразованием, потому что учеба на историческом факультете по сей день основывается на том, что здесь не стоят над душой каждого студента с нагайкой или плеткой, а дают ему тот метод, который ему в дальнейшем поможет стать серьезным специалистом, профессионалом.

Вы окончили университет с отличием, целиком и полностью посвящали себя учебе. Можно ли добиться таких же блестящих результатов, совмещая учебу с чем бы то ни было ещё?

В наше время все это выглядело иначе. Дело в том, что в нашем государстве до осени 1988 года существовали очень жесткие ограничения в плане официальной трудовой деятельности по совместительству. То есть обычно, обучаясь на дневном отделении, человек мог работать, например, сторожем. В советское время за это платили рублей эдак семьдесят. Это была минимальная зарплата, но это были деньги, которые могли весьма помочь. А вообще какая-либо работа на дневном отделении не приветствовалось. Вечернее отделение для того и существовало, что те, кто работает днем, могли бы учиться вечером.

Что касается нынешнего времени, конечно, всё изменилось, и возможностей стало больше, однако я стоял бы на том, что если есть возможность пять лет заниматься только учебой, то так и стоит сделать. Но время у нас тяжелое, существуют самые разные материальные условия, и кто-то вынужден сам себя содержать.

А теперь разрешите задать вопрос как редактору замечательного и уникального для отечественной науки издания. Чем вы руководствуетесь, определяя стратегию развития журнала?

Наш журнал с традиционной журналистикой не совсем соприкасается, ведь у нас в редакции в основном работают профессиональные историки. И мы даже стараемся и на корректорские должности брать людей с историческим образованием. Издание у нас специфическое – с одной стороны, наш журнал состоит в списке высшей аттестационной комиссии на научное восприятие истории, с другой стороны, он ориентирован на популярное изложение истории, которое сочетается со строгой научностью. Рассказ об истории с хорошими иллюстрациями и так далее.

Помимо прочих ваших общественных должностей, Юрий Аркадьевич, вы ведь состоите в Национальном комитете российских историков, главная цель которого, цитирую Устав: «координация международных связей научных исследовательских учреждений и высших учебных заведений и создание единого научно-образовательного и информационного пространства внутри профессионального исторического общества России». Не могли бы вы поделиться, насколько успешно идет работа Национального комитета?

Национальный комитет – это одна из тех линий, по которым идет работа по формированию нашего единого профессионального сообщества. Накануне 4 ноября я присутствовал на встрече с председателем Государственной Думы Борисом Грызловым, где как раз шла речь о создании как можно более широкого,

массового исторического сообщества, которое бы историков объединяло. Дело в том, что различные объединения существуют, но функционируют на общественных началах и практически не видны обычному историку. Речь идет о создании большого серьезного общества. Самое главное, чтобы это общество имело солидные представительств в регионах, чтобы действительно объединяло российских историков, а не только группу историков Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска. Подобные действия имеют достаточно серьезную перспективу, в сочетании с тем, что делается у нас по линии комиссии при президенте Российской Федерации по борьбе с фальсификацией истории в ущерб интересам России. Эта комиссия, уверяю вас, ведет очень полезную работу, в особенности в плане издания разнообразных монографий, которые не увидели бы свет, не будь этой комиссии.

А что вы можете сказать о международных связях российских историков?

Международные связи у нас, конечно же, за последние 20 лет расширились. Улучшились возможности для профессионального общения специалистов, так что ничто нашим студентам не мешает, допустим, обучаясь на кафедре истории славян, поехать в Варшаву, Прагу, Загреб, Белград, Софию. У Московского университета заключена масса договоров с ведущими университетами мира. Наши историки активно участвуют в международных конгрессах исторических наук.

Нельзя сказать, что Россия каким-то образом оторвана от мировой исторической мысли, а наличие такой паутины как Интернет, делает эту связь, конеч-

но же, ещё более оперативной.

Вечный вопрос о взаимоотношениях истории и искусства, в частности кинематографа. Скажите, консультантом какого фильма, о каком историческом событии вы хотели бы стать?

Я очень скептически отношусь к истории, которая излагается методом художественного слова, по телевизору и в кинематографе. Ведь очень сложно профессиональную историческую истину донести до широкой публики, особенно с помощью тех людей, которые у нас этим занимаются. У нас в «Родине» был не один опыт общения со съемочными группами. Допустим, приходит к нам съемочная группа Первого Канала и делает фильм об интереснейших вещах в городе Липецке. В межвоенный период там существовала знаменитая авиашкола, и есть такая старая легенда, что там учился сам Герман Геринг. Мы предоставили им данные, знакомили их со специалистами, с архивными материалами, рассказывающими, что никакого Германа Геринга там не было и быть не могло. Вывод, который делает Первый Канал, пуская фильм в эфир: «Мы не можем доказать, что Геринг был в липецкой авиашколе, мы не можем доказать, что его там не было». Такое отношение к истории, безусловно, профессионалов корбит.

В советские времена этим занимались писатели, потому что сочинение исторических романов было весьма выгодной вещью, за это платили хорошие деньги, и статус писателя был достаточно высок. Сейчас эстафету

Блиц

Город: Столица Эритреи, город Асмэра

Музыка: The Beatles

Кино: «Скромное обаяние буржуазии» Луиса Бюнюэля

Историческая личность:

Михаил Александрович Бакунин

Цвет: зеленый

Художественное произведение: «100 лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса

Блюдо: Блюда белорусской кухни

Напиток: Клюквенный морс

писателей перехватили авторы сценариев разнообразных сериалов – там и костюмы то не всегда доведены до ума, а уж исторические события и подавно. Поэтому я бы, честно говоря, не взялся бы за подобный труд, потому что и режиссеров, и сценаристов можно понять – у них есть бюджет, есть сроки съемок и им хочется что-то, конечно же, упростить.

Но если все же, если бы представилась такая возможность, появился бы режиссер готовый и способный взяться за подобный труд, какой исторический сюжет вы бы порекомендовали для экранизации?

(задумался) Допустим, я бы выбрал реальную историю Емельяна Пугачева, что воссоздать вполне реально. Хотя и то, как экранизировали «Капитанскую дочку», правда, с польскими актерами в главных ролях режиссером Александром Прошкиным не так давно, и историческая истина в этом фильме не сильно пострадала. *(имеется ввиду фильм «Русский бунт» 1999 года, в главных ролях Матеуш Дамеушки, Каролина Грушка, Владимир Машков).*

В гостиную беседовала

Лена Власова

Самолет—быстрый, но совершенно негодный для настоящих путешественников способ перемещения. После ночи на самолете нет ощущения, что ты оказался где-то далеко-далеко, на другом краю страны, in the middle of nowhere, так сказать. Для автомобилистов или велосипедистов Москва-Владивосток – грандиозный пробег через всю страну, о котором напишут в газетах, путешествие, которое запомнится на всю жизнь.

6430 км по прямой, 7 часовых поясов и 7 часов на самолете

Сейчас Владивосток – одна сплошная колоссальная стройка. В 2012 году город принимает саммит стран АТЭС, и сюда вброшены большие деньги из бюджета. Можно только гадать, сколько из них «освоено» местными чиновниками, но очевидно, что и в обустройство города вложено не мало. Расширяют трассу из аэропорта в город, в самом городе строят автомобильные развязки. Транспортная проблема актуальна для Владивостока в той же степени, что и для Москвы. Город очень рельефный, изрезанный сопками, из одной части города в другую все добираться по одной улице, тянущей-

ся вдоль бухты Золотой Рог, и пробки там есть практически в любое время суток. Владивосток огибает бухту вытянутой подковой, и один из масштабных проектов, завершить который планируется к 2012 году, – строительство через бухту вантового моста, соединяющего две части «подковы». Другой проект – создание еще одного моста, который соединит с материком остров Русский, где и пройдет саммит.

Любопытный факт рассказал местный житель, который вез нас из аэропорта в гостиницу. Зимой дороги толком не убираются, из-за чего они превращаются в ледяные горки.

И когда ты за рулем практически неуправляемого автомобиля несешься под горку, а в торможении на льду нет особого смысла, приходится выбирать, какая машина внизу подешевле.

Владивосток – портовый город. Над набережными возвышаются грузовые краны, всюду, куда ни посмотри – корабли, корабли... И не только корабли, есть и подводная лодка – установленная на суше и частично превращенная в музей, а частично оставленная как есть. Отсюда такой забавный момент: подвесные койки для экипажа на этой подлодке теперь находятся аккуратно в торпедном отсеке. Из других мест, достойных посещения стоит упомянуть музей Тихоокеанского флота и форт Владивостока, океанариум, Токаревский маяк. К маяку ведет от берега насыпь из гальки, которую в прилив закрывает вода, так что в течение суток маяк успевает побывать и на острове, и на полуострове. Рядом с центром города есть фуникулер, который за пять рублей доведет любого желающего до Орлиного гнезда, где со смотровой площадки видна большая часть города. Еще приятно прогуляться по городскому пляжу, на котором пиво продают исключительно в пластиковых стаканчиках с трубочками под видом газировки.

Если Владивосток – полноценный город, столица Дальнего Востока, то Южно-Сахалинск на его фоне – скорее поселок городского типа. Вокзал, главная улица, деревянные дома в центре города и неременный памятник

Ленину. Железную дорогу на острове строили японцы по своим стандартам, с узкой колеёй, на полметра уже привычной материковой. Из-за этого железная дорога выглядит детской, почти что игрушечной. Нашей целью был посёлок Тымовское в северной части острова, откуда мы планировали начать поход по сопкам к горе Лопатина, высшей точке острова. Ночь в поезде – и мы на месте.

Места эти среди туристов не особо популярны – горы низкие, добраться сложно, не то, что какой-нибудь Кавказ, где сотни натоптанных троп. Так что местным мы были в диковинку, проезжавшие по шоссе машины, увидев нашу толпу из тридцати человек под рюкзаками, останавливались, и нас расспрашивали, кто мы и откуда. Впервые за весь поход мы не встретили ни одной живой души – места дикое. Нефть на севере острова, до моря далеко, а здесь – только сопки и леса. И медведи – трое из наших его повстречали, одна из встреч была буквально лицом к морде. А мне вот не повезло, ну ничего, следующим летом на Камчатку, там еще повстречаемся.

Что интересно на Сахалине – это его природа. Из-за разлома литосферной плиты земля под островом здорово прогревается, и имеет место т.н. «сахалинский гигантизм» – все растения вырастают на острове в разы выше и шире, чем на материке. Отдельное удовольствие – протаптывать себе дорогу среди лопухов, листья которых качаются где-то у тебя над головой... Зато удобно собирать чернику – кустики по пояс, нагибаться не надо. Что касается фауны

то одним из символов острова для нас стала ворона восточная, чей крик определитель птиц характеризует как «грубое карканье». На деле это карканье – один в один человеческий смех, причем не веселый, а издевательский: «Ха-ха-ха, вы, мол, неудачники!»

Поход, откровенно говоря, не удался. Там, где на карте была отмечена дорога, на местности зачастую была колея от некогда прохо-

дившего лесовозного пути, заросшая вполне приличных уже размеров деревьями. Нередко приходилось ломиться наугад. Так мы и ходили где-то вниз, с одной сопки на другую, в течение шести дней. Гора Лопатина нам не покорилась. Не удалось получить главного походного удовольствия: после долгого изнурительного подъема оказаться на локальной вершине мира, почувствовать что-то космическое, полюбоваться простором под ногами, выкурить самую вкусную, высотную сигарету и почувствовать, что все было не зря.

Горная железная дорога из Холмска в Южно-Сахалинск, построенная японцами и заброшенная русскими, ныне – довольно популярный туристический объект. Полуразрушенные мосты со сгнившими перекрытиями, многочисленные туннели, в том числе один набирающий высоту и делающий поворот на 270 градусов, таким образом в проекции он пересекает сам себя. Где-то есть и рельсы и шпалы, где-то только что-то одно, а где и вовсе лишь заросшая тропинка и ржавый семафорный столб как напоминание о том, что когда-то здесь ездили поезда. В качестве сувениров я привез в Москву пяток костылей с этой железной дороги.

Для сахалинцев мир делится на свой остров и далекий материк. Но никакой враждебности, о которой читали в интернете, мы не почувствовали. Напротив, нам всячески помогали советом и делом. Несмотря на то, что живут на Сахалине небогато, а цены на продукты в полтора-два раза выше московских (много приходится везти с материка), – никаких косых взглядов, никакого негатива. И это здорово.

Даниил Поспелов.

Фото автора.

Афганистан занимает 41е место в мире по величине территории, 37е – по количеству населения и 96е по количеству ВВП на душу населения. Вместе с тем эта страна считается одной из наиболее опасных для путешественников.

Там, где никогда не кончается война

Идея поехать в Афганистан пришла мне в голову, когда я прочел книжку А. Кротова «Автостопом по Афганистану». В ней было описано путешествие нескольких автостопщиков в 2002 году, сразу после американского вторжения. Книжка интересная, но не очень полезная: единственное, что я из нее узнал – это то, что в Афганистан пускают туристов, и что туда стоило бы поехать.

С моей точки зрения, в мире вообще не так много стран, куда действительно интересно съездить. Почти в каждой можно найти что-нибудь интересное, но оно настолько доступно, что становится скучно. В случае с Афганистаном за одной только визой придется ехать на Памир, в город Хорог.

От Москвы до Хорога я добирался по земле. Я предпочитаю не пользоваться самолетами, а так же скорыми поездами. Помоему, по-настоящему ощутить себя путешественником можно

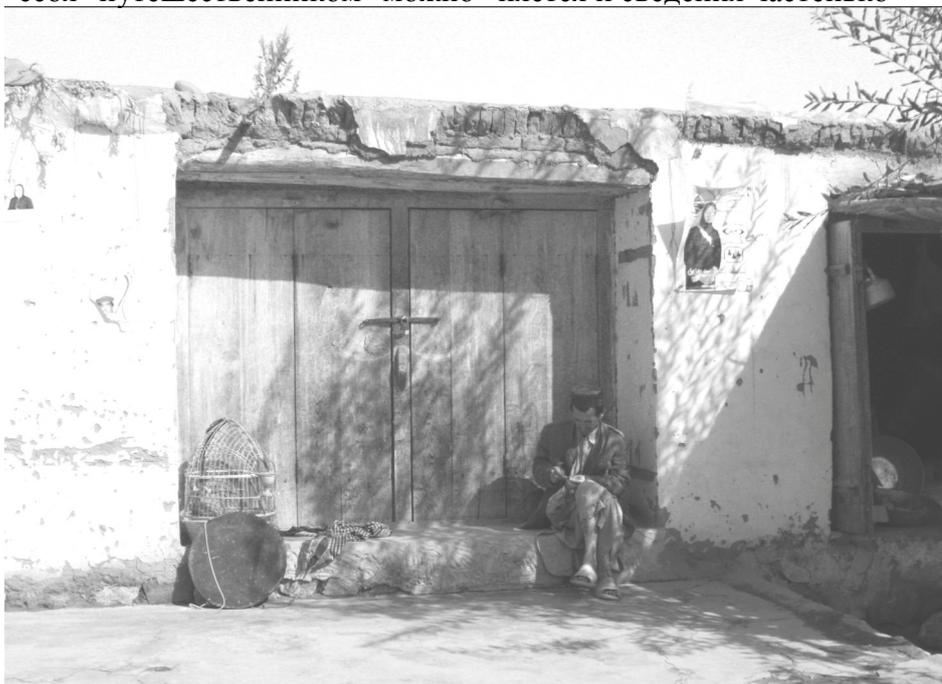
только добираясь попутным транспортом. С одной стороны это позволяет осознать преодоленное расстояние, понять, что Россия – действительно очень большая страна. С другой стороны, можно ощутить себя в дороге и существенно повысить свой шанс повстречать интересного человека или попасть в какое-нибудь приключение, услышать множество «дорожных историй».

Когда я готовился к поездке в Афганистан, единственное, чем я серьезно занимался, – это получением визы. Я, конечно, поинтересовался, как дела с таможней в Узбекистане, не режут ли людей в Киргизии, но в целом представление о маршруте у меня было довольно смутное. Это может показаться легкомысленным, но дело в том, что на информации из путеводителей и интернета, можно полагаться в Европе или Турции. В Средней Азии обстановка постоянно меняется и сведения частенько

оказываются чрезвычайно отличными от реальности. Например, официально революция в Киргизии закончилась, но в Ташкенте говорят, что там продолжается активная резня.

За 10 лет американского присутствия у афганцев появились некоторые особенности в отношении к приезжим. Они привыкли, что иностранцы – это, в основном, военные, которые живут изолированно и постоянно вытворяют что-нибудь вроде ракетного удара по мирному автобусу. Члены «Красного Креста» и журналисты, передвигаются по стране под охраной военных. Они все разные, но имеют одну важную общую черту – командировочные, которыми необдуманно сохотят. В 2002 Кротов уже столкнулся с тем, что убедив хозяина гостиницы, что ты не журналист можно снизить цену раз в 10. Со мной же они вообще торговаться не хотели – ведь иностранцы не торгуются. Объяснить таксисту, что ты не хочешь ехать один, а с радостью поедешь с местными тоже довольно сложно, и не только потому, что я почти не знаю фарси – иностранцы ведь не ездят с местными. Я был для Афганцев «белой вороной». Иногда это хорошо, потому что гостеприимные люди начинают бережно к тебе относиться, но зачастую ко мне относились предвзято: мешок денег, который надо по возможности вытрясти. Афганцы вообще не отличаются гостеприимством по сравнению со своими таджикскими и узбекскими соседями.

Как только я пересек границу, мне предложили доехать на машине до ближайшего кишлака

за 20\$, но мне не сложно было прогуляться 15 минут бесплатно. В кишлаке первые же люди, к которым я обратился по поводу машины до города, устроили мне теплый прием. Сначала мне кое-как объяснили, что машины нет, потому что дорогу залило и что они всего за один доллар свезут меня туда, откуда она точно есть. Учитывая, что вокруг одни горы, это было заманчивое предложение. Потом они предложили мне разменять доллары по курсу 1 к 4, притом, что доллар стоит 45 афгани. Затем они сказали, что машина будет завтра и решили поселить меня в закрытый на ремонт отель за 20\$ (через дорогу был открытый, гораздо лучше, за те же 20\$). Пришлось пойти в полицию, чтобы от меня отстали, потому что на их лицах уже отражалось обилие других грандиозных проектов, которые постепенно приходили им в голову. Полиция, там существенно отличается от той, к которой я привык в России и странах СНГ. Основная задача полиции и армии – выявление и уничтожение талибов, они почти не интересуются иностранцами. Им некогда мусолить ваш паспорт на предмет регистрации. Зато, если в вас заподозрили террориста, последует обстоятельная проверка. Меня держали около 5 часов, но стоит отметить, что они довольно тактичны: никаких хамских допросов и обезьянников, люди просто делают свою работу.

При помощи полиции я нашел машину и благополучно доехал до Файзабада, центра провинции Бадахшан. Тут-то я и заметил, насколько устарела информация книжки Кротова. Если посмотреть описание Афганистана 2002 году, то представляется очень бедная страна с последствиями гиперинфляции, бездорожьем и полуразрушенными кишлакам, основным видом транспорта тогда являлись КамАЗы и убитые советские тарантасы вроде «волги» и «москвича», в которые грузилось по 20 человек. На данный момент там уже проведена денежная реформа, сложилось частное автобусное

сообщение а люди пересели на новенькие «тойоты». Дороги в Афганистане теперь лучше, чем в России, активно строятся мосты. Остались только полуразрушенные города и кишлаки, но их отстроить невозможно, так как это дорого и совершенно не нужно: почти все афганцы живут в самодельных хибарах из кирпича-сырца, которые легко восстановить после взрыва, в отличие от многоэтажки. Из-за этого города там сложно отличить от кишлаков: даже Кабул почти полностью состоит из двухэтажных глиняных домиков. Также я так и не понял, существует ли там городская канализация, но чего там точно нет, так это помоек. Помойкой может являться абсолютно любое место: большая лужа посреди центральной улицы, в которой плавают остатки арбузов с консервными банками – нормальное явление.

Я планировал проехать через Кабул и Кандагар, но добрые люди, которые вписали меня в Кабуле, рассказали, что в пустыне в районе Кандагара талибы досматривают автобусы в поисках неверных – то есть безбородых и в европей-

ской одежде. Стоит отметить, что в целом афганцы веротерпимы. Они положительно отзывались о русских, никогда не упоминали «ограниченный контингент»: возможно, просто не хотели оскорбить гостя, но судя по радостным лицам и активному стремлению показывать свои скудные познания в русском языке, они не особо обиделись на нас за 80-е.

В итоге, можно сказать, что Афганистан интересен своим населением и антуражем и далеко не так опасен, как кажется. Посещать его нужно проездом, так как достопримечательностей, у которых стоит долго задерживаться, там практически нет. Плюс это снизит риск похищения, туристы там очень заметны и новости об их местоположении быстро распространяются. Однако вряд ли такая поездка возможна в ближайшем будущем – за последние полгода произошло резкое ухудшение обстановки. Возможно, это временная ситуация в связи с выборами, но, скорее всего, это показатель того, что американцы проиграли войну.

Николай Герасимов.

Фото автора.

В битве за историю

Берясь за статью о фальсификации истории, я задумался: с чего такой повышенный интерес к этой проблеме в нынешней России? Всякое чрезмерное увлечение прошлым, придумывание новых праздников, вытасканных из закров истории, говорит лишь о том, что есть что скрывать, от чего отвлекать в настоящем. И чем сильнее кризис в обществе, тем сильнее борьба с историей, или же ее «истинное» написание.

Но что такое сама фальсификация? Самый обычный юридический словарь дает ответ, что это заведомо ложное искажение, «совершенная по корыстным мотивам подделка, заключающаяся в изменении вида или свойств предмета». Из этого следует, что фальсифицировать можно лишь ту вещь, которая выступает в качестве первоисточника. Вот «Константинов дар» является фальсификацией, и вряд ли кто с этим будет спорить. Невозможно быть в здравом уме и не понимать, что всякое учение,

Сборник анекдотов, частное мнение или новая историческая концепция?...

претендующее на научность, не может быть фальсификацией. Но тут встает другой момент, как опасность преднамеренного искажения фактов, прибегая к необъективному использованию источников. Примеров такого искажения множество. Достаточно вспомнить наше недавнее

прошлое, когда писались «Истории СССР с древнейших времен» или заклеивание портретов в учебниках истории «врагов народа». То же касается и почившей нацистской Германии, в которой ученые специально доказывали, что Христос не был евреем. (Правда, минимальное знание богословия не признает, что у Христа была национальность). Современные же доктрины а-la математик Фоменко не только не могут быть рассмотрены, как специальное искажение данных, но и вообще не поддаются научной критике. К таким вещам нужно относиться, как сборнику анекдотов или как к отдельному частному мнению, но ни в коем случае ни созывать ученые советы, чтобы доказать абсурдность всех его доказательств.

Все написанное выше, это лишь прелюдия к тому, чтобы посмотреть на то, к чему такая прыть властей в отношении истории. В свое время руководитель Белого движения барон П.Н. Врангель заявил, «что борьба не прекратилась, она приняла лишь иные формы». Что за формы – понятно: битва за право устанавливать историческую истину. Для белых это означало сохранение того, что знали они, а вот большевики не преминули превратить историю в поле политической пропаганды и новое поле для ведения «холодных» войн. Ни они первые, ни они последние, кто занялся фальсификацией и искажением данных, но в таких масштабах

ранее никто не пытался переписывать историю. И эта война на историческом поле имеет большие успехи, чем любое физическое столкновение.

Мало, кто знает, что не так давно была Всероссийская конференция по развитию исторической науки, устроенная Минобрнауки. До сведения ведущих кафедрами и деканов исторических факультетов было доведено, что историкам необходимо «консолидировано выступать с разоблачениями фальсификаций российской истории, которые потоком льются в последнее время в антироссийских политических целях». Напоминает заявления КПСС в годы «холодной» войны. Но этим дело не ограничилось. Многие выступили с требованием борьбы с фальсификациями, а ректор РГСУ Жуков высказался против «поливания грязью Ивана Грозного и Сталина», дескать, и так все известно про их репрессии. Хороша картина – обеление палачей! Продолжилось все это тем, что были высказаны идеи о запрете издания несанкционированных министерством учебников истории. То есть нам предлагают и свободно изучать историю, а знать лишь «генеральную линию». Возможно ли об этом подумать в XXI веке, когда кажется, что предложения подобного рода невозможны?!

Погреть на этой войне руки хотят не только те, кто пишет «правильную» историю или преподносит «сенсационные открытия», но и проходимцы, имеющие к истории косвенное

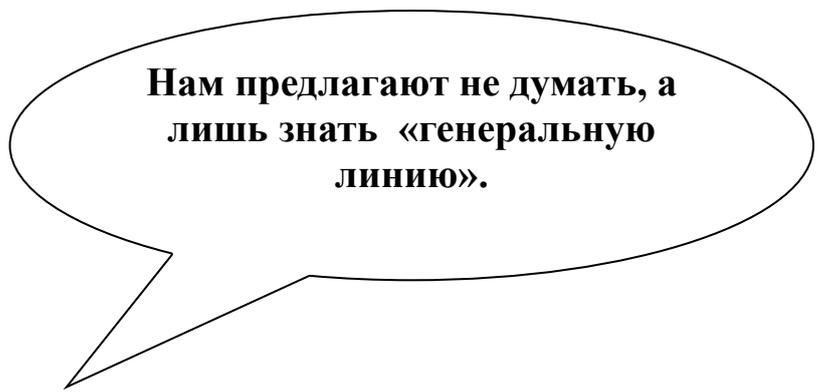
отношение, как гг. Проханов, Кара-Мурза и прочие, чьи книги в магазинах занимают целые полки. И самое главное, что их опусы выходят многотысячными, если не многомиллионными тиражами, в отличие от узкоспециальной и профессиональной истории, книги по которой в обычных магазинах почти не достать.

На фоне войны за историю, где бои ведутся на полное уничтожение противника, будут постоянно торжествовать абсурдные исторические концепции, будут всплывать «подлоги» в архивах, появляться разоблачительные тома, а «генеральная линия» будет действовать по принципу «и нашим, и вашим». К различным

концепциям, если только в них не идеализируются преступники и палачи, надо относиться как к чуждому мнению. Если есть с чем согласиться, то это не повод унижать человека, заводя на него ный повод задуматься: а где у него неправда, и опровергнуть это, проведя свое исследование.

Но, глядя на тысячные тиражи полностью абсурдных и апологетических книг по «истории», на ум приходит одна единственная мысль, что «если звезды зажигают, значит кому-то это нужно».

В. Щедрин

Несколько мыслей об историческом пути человечества и глобализации

В наши дни идея прогресса широко распространена в самых разных слоях общества и используется с самыми разными целями. Например, политические деятели применяют ее в качестве идеологического инструмента, рассуждая о том, что теперь лучше, чем было раньше (благодаря их деятельности, разумеется), а грядущие годы будут и того лучше (если продолжать придерживаться намеченного ими курса). Публицисты пользуются словом «прогрессивный» в качестве похвального эпитета. Это свидетельствует о том, что прогресс в сознании общества ассоциируется с чем-то хорошим.

Однако стоит подробнее рассмотреть идею прогресса с точки зрения применения ее в исторической науке. Действительно, если полагать, что человечество постепенно развивается от неко-

торой точки дурного состояния к состоянию прекрасному (и в достижении этого состояния и заключается цель человеческой деятельности), то рассматривать историю в таком ключе – как историю человеческого прогресса – вполне справедливо. Но здесь встает ряд тревожных вопросов. А что, собственно, прогрессирует? Техника? Да, безусловно. Человеческий интеллект? – а вот это уже спорно. В.Н. Садовников высказывался по этому поводу следующим образом: «сегодня каждый прилежно учащийся школьник может знать то же, что и Ньютон, но может ли он мыслить, как Ньютон?» Конечно, насколько странно требовать ньютоновского мышления от школьников, но ведь данные слова можно применить не только к ним. Человеческая нравственность? – еще более спорно. Если

чутко прислушаться к нравственному настроению современного общества потребления, можно уловить такие ноты и звуки, которые заставят подумать, что античное общество нравственно было развито сильнее и правильнее. А ведь прогресс наиболее важен именно в области нравственности. Еще Аристотель сказал: «Кто двигается вперед в науках, но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед».

Итак, восприятие истории как пути, по мере движения по которому общество всесторонне прогрессирует, и жизнь человеческая становится лучше, оказывается спорным. Как же можно еще посмотреть на историю человечества? На мой взгляд, ее можно представить как историю увеличивающейся деиндивидуализации отдельной личности. Что это

значит? Это значит, что по мере своего исторического движения те этносы, которые оказались наиболее «прогрессивными», шли по пути постепенной деиндивидуализации отдельных своих представителей, в которых со временем становилось все меньше своего и все больше общего. Развитие устной речи и появление письменности, использование на обширных территориях одного языка, костюма, формирование общих традиций и менталитета – явления, хорошо характеризующие данный процесс. До определенных пределов деиндивидуализация вполне оправдывается теми плодами, которые она приносит. Она создает народы и нации, крупные «коллективные личности», творящие политическую и экономическую историю в тех масштабах, в которых отдельная личность никогда не сможет действовать. В рамках этих народов и наций время от времени появляются уникальные личности, развивающие общечеловеческую.

Для того, чтобы развитие человечества было успешным не только в экономической, но и в духовной плоскости, люди должны поступать по-разному. Столкновение людей с разными взглядами, устремлениями, различными образом жизни и внутренней культурой является важнейшим фактором духовно-нравственного развития. Это справедливо и в отношении отдельных личностей, и в отношении народов. Чтобы поступать по-разному, люди должны быть разными, а чтобы быть разными, они должны жить в разных условиях. В прошлом наблюдалась именно такая картина. Различные природно-географические условия формировали тот или иной тип хозяйствования, ту или иную экономическую и

политическую ориентацию страны, тот или иной образ мыслей у населения.

Сейчас же подобная ситуация постепенно уходит в прошлое. Создание единого информационного, языкового, политического, экономического и культурного пространства создает ситуацию, когда большая часть человечества живет практически в одних и тех же условиях. Даже природно-географические условия постепенно становятся сходными. К этому выводу можно прийти, посмотрев на крупные города,

Одинаковые условия жизни создают одинаковых людей

условия жизни в которых весьма похожи по всему свету.

Хорошо ли это? Как уже было сказано, разные условия жизни создают разных людей. Следовательно, одинаковые условия жизни создают людей одинаковых. Мы можем отчетливо это наблюдать. Отметим такие явления как унификация костюма, распространение единого языка, еще не вытеснившего местные, но активно экспортирующего в них свою лексику и формы построения речи, стандартизация желаний и устремлений, появление общемировых светских праздников, складывание единого рациона питания. Молодежные субкультуры, стремящиеся, бросить вызов этой системе и борющиеся за свою индивидуальность, в сущности, создают точно такие же массы одинаковых людей, просто раскрашенных в немного иные цвета. Такое однообразие утомляет как долгая монотонная работа. В «Бойцовском клубе» Чака

Паланника хорошо передано это ощущение однородности и «скопированности» окружающих. Уставший от всеобщей безличности, утомленный однородным окружением человек ищет выход в разноцветных картинках – в виртуальной реальности, в реальности телевизионной, в разрушающих организм развлечениях. Лишенный одного из главных факторов развития – столкновения с непохожим на себя – он замирает на одной точке.

Индивидуальность – главный враг глобализации. Вспомним Вавилонскую башню (а ведь реализация экономических и политических проектов планетарного масштаба – это и есть Вавилонская башня) – ее строительство прекратилось после того, как каждый человек, участвовавший в ее создании, стал говорить на языке непонятным всем другим, то есть стал в высшей степени индивидуальным. Деиндивидуализация отдельной личности – необходимое средство выживания человеческого общества. Чем выше численность общества, тем выше степень деиндивидуализации. Однако ни чем не сдержанная деиндивидуализация в масштабах всего мира вполне может привести к вырождению человечества. Из этого следует сделать вывод, что при всей политико-экономической значимости глобализационных процессов, следует разработать определенные механизмы для сдерживания тех негативных явлений, которые они с собой несут.

Андрей Уваров.

Мнения авторов, опубликованных в рубрике, могут не совпадать мнением редакции.

Николай Михайлович Карамзин распоряжением Александра I был назначен официальным государственным историографом. Однажды Карамзин явился с поздравлением к одному из вельмож, но, не застав хозяина дома, велел лакею записать в книге посетителей свое имя и звание. Лакей записал Карамзина, а тот любопытствовал, правильно ли сделана запись, и увидел: "Николай Михайлович Карамзин, истории граф".

Император Павел спросил директора театров Александра Львовича Нарышкина, отчего это до него, в бытность директором театров князя Юсупова, ставились спектакли со множеством всадников, а теперь лошадей на сцене и не увидишь. Нарышкин отвечал: - Не выгодно, ваше императорское величество. Юсупов был татарин, и, когда лошади делались для сцены негодны, он их отправлял к себе на кухню.

Государь Николай Первый вышел к полку. По недосмотру одна пуговица на обшлаге оказалась незастегнутой, о чем адъютант доложил, намереваясь помочь. Государь сказал голосом, который был слышан всему полку:
- Я одет по форме. Это полк одет не по форме. И тотчас полк расстегнул одну пуговицу на обшлаге.

Что дала Октябрьская революция простому народу?

- Раньше господа заходили в магазин с парадного входа, а простонародье - с черного, а теперь простонародье заходит в магазины с парадного входа, а господа - с черного.

- Какая страна самая большая?
- Украина. Ее границы в Карпатах, ее столица в Москве, ее тюрьмы в Сибири, ее церкви в Канаде.

Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843 - 1882) однажды был опечален кончиной близкого ему человека и, недовольный тем, что врач не спас того от смерти, обратился к нему с раздражением и досадой:

- Почтенный эскулап, много ли вы отправили людей на тот свет?

- Тысяч на десять меньше вашего, - ответил доктор.

- Опять вчера рылся в моем электронном почтовом ящике? Между прочим, чужие письма читать нельзя!

- Это не письма! Это исторический источник!

Над номером работали:

Главный редактор: Кирилл Берегела.

Выпускающий редактор: Натали Иолве.

Авторы: Елена Власова, Даниил Поспелов, Николай Герасимов, Андрей Уваров, В. Щедрин.

Редакция выражает огромную благодарность Аркадию Тарасову за его помощь и поддержку.

С электронной версией газеты вы можете ознакомиться по адресу: <http://www.hist.msu.ru/studlet/index.html>

“Студенческая летопись приглашает вас к сотрудничеству с газетой! Свои статьи, а так же отзывы, пожелания и предложения вы можете отправить по адресу studlet@hist.msu.ru или Adriil@mail.ru с пометкой «для газеты Студенческая Летопись».